

Глава 17

Среди колеблющихся теней деревьев, перед бамбуковым забором, стояли двое новобранцев в простой одежде из грубой ткани, сжимая в руках примитивное оружие. Их глаза горели ярким огнём.

Один из них был тем самым, кто по приказу Цао Цао приносил еду по дороге.

Гу Чжи оглянулся и, развернув коня, подъехал к ним.

— Вы из новобранцев, которых Цао Цао набрал в Цзяньпине?

— Так точно.

Не дожидаясь следующего вопроса, юноша, бросив взгляд вдаль — на приближающихся и одновременно робеющих силянцев, — быстро и тихо доложил:

— За городом новобранцев всего тысяча триста шестьдесят один человек. Четыреста два пропали без вести, пятьсот двенадцать перешли на сторону войск Дун Чжо. Оставшиеся четыреста сорок семь человек не предали генерала Цао, все они в лагере.

Мужчина окинул его оценивающим взглядом.

Худой добавил со стороны:

— На всякий случай брат Сюй пересчитал всех в лагере. Что касается обстановки в городе... мы туда не входили, так что ничего не знаем.

Оба ожидали, что Гу Чжи либо задаст уточняющие вопросы, либо прикажет им собрать всех солдат в лагере для совместного отпора врагу. Но, к их удивлению, всадник лишь перехватил копьё и с многозначительной усмешкой произнёс:

— Четыреста сорок семь человек, и их «заперли» в лагере двадцать силянцев?

Лица обоих слегка изменились, но ни стыда, ни гнева на них не отразилось. Они уже собирались объяснить, как их прервал другой, грубый мужской голос:

— Мы всего лишь сброд, никто не осмелился взять на себя командование и повести толпу слабых новобранцев в атаку.

Из тени с другой стороны палатки вышел бородач.

— К тому же, те двадцать у ворот — это только дозорные. В укрытии сидят и другие силянцы.

Бородач посмотрел на десятерых солдат, бегущих от задних ворот лагеря, и на его губах промелькнула насмешка:

— Даже если ты сможешь один справиться с десятью и перебить их всех, придут новые отряды и окружают тебя.

В таком случае даже самый искусный воин не сможет вырваться из сотенного или тысячного строя. Его ждёт неминуемая смерть. Бородач ожидал увидеть на лице Гу Чжи страх, но тот стоял невозмутимо, словно и не слышал его слов.

— Если бы эти «бесчисленные силянцы» действительно существовали, почему они оставили вас в живых?

Усмешка на губах бородача застыла.

— Из милосердия? — тихо спросил Гу Чжи, и от его спокойного тона у собеседника запылали щёки.

И в самом деле, зная повадки силянцев, если бы у них было численное преимущество и они могли бы с лёгкостью всех раздавить, зачем бы им оставлять в живых новобранцев в лагере? Да ещё и утруждать себя попытками переманить их на свою сторону? Осознав это, бородач не смог скрыть досады. Как обидно, что такая простая истина не пришла ему в голову раньше.

Гу Чжи больше не обращал на него внимания и посмотрел на юношу и худого:

— Вы двое окликнули меня, потому что хотели, чтобы я вывел вас отсюда?

— Вовсе нет, — юноша, глядя на приближающихся врагов, заговорил быстрее. — Осмелюсь просить, генерал, станьте нашим командиром и поведите нас в бой.

Его обжигающий взгляд, казалось, плавил кожу, но Гу Чжи оставался холоден. Он медленно и с ледяным спокойствием ответил вопросом на вопрос:

— Почему вы решили, что искусный воин обязательно умеет командовать?

К тому же, желание подчиняться — это лишь мысль этих двоих. Остальные четыреста сорок три новобранца вряд ли с ними заодно. Словно ушат холодной воды вылили на голову. Юноша и худой замерли.

— ...Мы слишком размечтались.

Юноша опустил голову, провёл рукой по застывшему лицу, пытаясь прийти в себя:

— Генерал Гу, простите, что отняли у вас столько времени.

Он и худой посторонились, поспешно поклонились и, обойдя коня, пошли навстречу сиянцам.

— Мы прикроем отход. Просим генерала уезжать как можно скорее.

Бородач с самого начала больше не вмешивался в их разговор. Он отошёл на несколько шагов и встал у соседней палатки:

— Вы всё слышали? Сиянцы просто пугают нас. Сейчас в лагере осталось всего четырнадцать сиянцев. Вы действительно собираетесь сидеть, как труссы, в своих палатках до самой смерти, пока они не сожгут вас заживо?

Слова его не были пустой угрозой. Сиянцы, прибежавшие от задних ворот, и вправду несли в руках факелы, словно собираясь поджечь лагерь. После короткого молчания из соседних палаток стали выходить люди. Кто с оружием, кто с палками вместо него. Они нерешительно подошли к троице. Так, по одному, собралось семь-восемь человек.

Гу Чжи должен был уехать, не оглядываясь, но, проехав несколько шагов, он не ускакал далеко, а остановился и стал наблюдать за ними издали.

— Мальчик, как тебя зовут?

Услышав обращение, юноша вздрогнул. Но он понял, что зовут именно его, и громко ответил:

— Меня зовут Сюй Чжи... И я не мальчик.

Гу Чжи смотрел на этого внешне зрелого, бородатого, но на самом деле тринадцатилетнего «мужчину».

«Тринадцатилетний... как же не мальчик. Он явно скрыл свой возраст, чтобы его взяли в армию. Но он, вероятно, не знал — внешность обмануть можно, а вот необученный голос — вряд ли»

— Это Цзя Синь, — Сюй Чжи указал на худого рядом с собой и продолжил кричать.

Он стоял спиной к палаткам. Даже понимая, что всадник, возможно, уже уехал и не нуждается

в представлении, Сюй Чжи не остановился и продолжал называть имена тех, кого знал.

— Это Нью Цзинь.

Сюй Чжи указал на бородача, затем повернулся в другую сторону:

— Это Лу Чжао...

Одно за другим знакомые имена слетали с его губ, словно он листал толстую историческую хронику, вычитывая краткие упоминания о героях прошлого. Они были будущими полководцами Цао Вэй, кто-то останется безвестным, кто-то прославится на всю страну. А сейчас они были лишь неопытными новобранцами. И в то время как большинство молчало, сжавшись от страха, они взяли в руки оружие и выступили против врага.

Он сидел на коне и смотрел издалека. Когда нашёлся зачинщик, всё больше и больше слабых новобранцев, кто с гордо поднятой головой, а кто дрожа, стали выходить из палаток. Их число выросло до двадцати, тридцати... ста.

Четырнадцать силянцев, собиравшихся окружить и убить Гу Чжи, остолбенели. В мгновение ока они оказались в кольце из сотни человек.

— Что вы делаете? Назад! Взбунтоваться решили?!

— Поблизости стоит армия генерала Ли, если вы их разозлите, не только нам влетит, но и вам не поздоровится!

Силянцы кричали, пытаясь скрыть свой страх, как и всегда. Но на этот раз их угрозам никто не поверил. Кто-то из новобранцев холодно усмехнулся:

— Взбунтоваться? Против кого? Не вы ли, силянцы, и предатель Дун Чжо подняли мятеж и увезли Сына Неба в Чанъань?

— Они просто пугают нас. Мы используем железный чеснок и верёвки, чтобы остановить тех четырёх всадников, а половина из нас окружит тех десятерых пеших.

Более сотни новобранцев бесстрашно бросились вперёд, без всякого строя вступая в схватку. Четырнадцать силянцев, хоть и были хорошо обучены, не смогли устоять против превосходящего числа и вскоре были разбиты.

Несколько десятков новобранцев получили ранения разной степени тяжести, в основном от ударов и копыт четырёх боевых коней. Когда все противники лежали на земле, новобранцы переглянулись. Кто-то радовался, кто-то тревожился.

«Поблизости нет войск силянцев, но в городе... Там почти тысяча отборных воинов вместе с пятью сотнями предателей. В городе было всего около сотни воинов семьи Цао. Смогут ли они устоять против этих безжалостных убийц? Как только воины Цао будут перебиты, силянцы выйдут из города, и тогда нам несдобровать»

Многие затревожились, желая немедленно покинуть это место, но, опасаясь многого, не решались бежать в одиночку.

Сюй Чжи и Цзя Синь вышли из толпы и увидели, что Гу Чжи всё ещё сидел на коне на краю лагеря. Они убрали оружие, быстро подошли к нему, опустили на одно колено и, сложив руки, спросили:

— Генерал остался здесь... будут ли какие-то указания?

— Вы двое раньше хотели, чтобы я стал вашим командиром. Это ещё в силе?

Сюй Чжи и Цзя Синь на мгновение замерли, а затем тут же ответили:

— Конечно, в силе! Мы готовы служить генералу!

Более сотни новобранцев привлекло это движение. Среди них были и те, кто слышал слухи о доблести Гу Чжи, и те, кто слышал его разговор с бородачом. Увидев реакцию товарищей, они тут же сообразили, что к чему, и повалились на колени.

— Готовы служить генералу, идти с ним до конца!

— Клянёмся следовать за генералом до самой смерти!

По крайней мере половина солдат не знала, кто такой Гу Чжи, но это не помешало им последовать за сослуживцами и выкрикивать громкие лозунги. Громкие крики наконец выманили из палаток оставшихся триста с лишним новобранцев. Они не понимали, что происходит, но тоже повалились на землю:

— Готовы приложить все свои скромные силы!

Сцена была одновременно величественной и абсурдной. Всадник долго молчал, едва сдерживая смех. Сюй Чжи, заметив его недовольство, поднялся и крикнул:

— Тихо!

К этому времени большинство солдат уже замолчали. Сюй Чжи снова сложил руки:

— Просим указаний генерала.

Гу Чжи, не слезая с коня, медленно и пронзительно обвёл всех взглядом:

— Вы — солдаты, нанятые Цао Цао, едите хлеб семьи Цао. Не говорите больше слов вроде «служить» или «следовать».

Толпа зашумела. Мужчина не обращал внимания на волнение. Он собирался пробыть в стане Цао несколько месяцев, дожидаться приезда Гу Яня — брата прежнего владельца тела, — и не собирался переманивать у Цао Цао людей.

— Если вы всё ещё готовы быть солдатами генерала Цао, то выходите вперёд. Под моим командованием мы войдём в город на подмогу.

Если до этого шум был похож на шипение масла на сковороде, то теперь слова Гу Чжи были подобны ковшу холодной воды, вылитому в это масло, — раздался оглушительный треск. Солдаты нерешительно поднялись, шёпот становился всё громче. Солдат с густыми бровями из первого ряда шагнул вперёд:

— Генерал Гу, вы были пленником семьи Цао... почему вы хотите им помочь?

Солдаты из первых рядов узнали в нём того самого «заключённого», которого везли в карете для перевозки заключённых до самого уезда Вэнь. Неважно, какие счёты были у Гу Чжи с Цао Цао. В их глазах то, что он не сбежал в суматохе, уже было благородством. Но помогать Цао Цао в бою?

— Каждый преследует свою выгоду, что в этом такого? — спокойно ответил Гу Чжи. Его взгляд скользил по лицам, то спокойным, то испуганным. — Сегодняшние события для всех вас — игра, ставка в которой — жизнь. Если поможете семье Цао, и она возвысится, вы станете заслуженными воинами.

Сделав паузу, он слегка улыбнулся, и в его улыбке промелькнула насмешка:

— Но это звание вы заслужите ценой своей жизни. Выжившие станут «героями», а павшие — просто трупами.

Все замолчали.

— Если не хотите оставаться, можете бежать, покинуть это место, — Гу Чжи резко сменил тон. — В этом тоже есть свои плюсы и минусы. Плюс — сегодня вы сохраните свои жизни. Минус — в этом смутном мире нет по-настоящему безопасного места. Любой может умереть в следующую секунду.

В лагере, застывшем в мёртвой тишине, долго отдавался лишь один голос:

— Теперь те, кто готов идти со мной в город, стройтесь у ворот.

<http://bllate.org/book/15998/1501082>